

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» Н. ТАЛЕБА КАК ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ РИСКОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

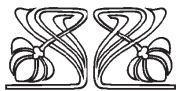
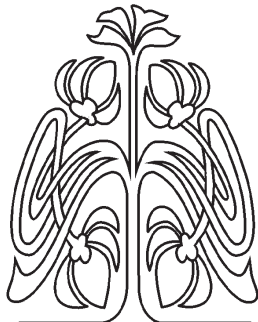
С. А. Данилов

Данилов Сергей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, danilovsa@info.sgu.ru

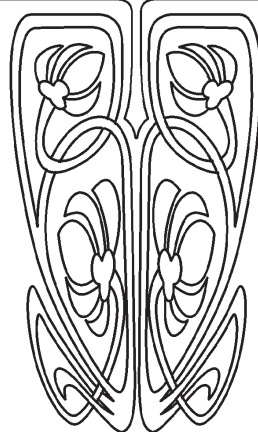
В исследовательском фокусе публикации оказывается теория «Черного лебедя» современного философа Н. Талеба, которая рассматривается в контексте рискогенного измерения общества. «Черные лебеди» – события, обладающие крайне низкой предсказуемостью и способные кардинально трансформировать мир. Общество сегодня оказывается наполненным непредсказуемыми событиями, которые делают его развитие максимально неопределенным. Существующие системы рационального анализа и как следствие – контроля не в состоянии увидеть «невидимое» – «Черных лебедей», чье возникновение кардинально меняет ход событий. Одна из ключевых причин – отсутствие стремления к системному видению процессов и явлений, доверие факту, а не сущности. Восприятие социальной реальности поставлено в зависимость от знания порядка: образования, наук, масс-медиа, но в основе – особенности человеческой природы в ее отношении к случайному, неопределенному. Архитектура современного общества способна породить «чернолебединую» событийность, но рискогенный социум вырабатывает стратегии адаптации к ней, учитывая её не только отрицательный, но и положительный потенциал. Такие случайности, как «черные лебеди», способны провоцировать и гиперконсерватизм, и гиперавантюризм, а между ними – многообразие форм бытия многомерного человека рискогенного общества, который должен отвергать шаблонность мышления.

Ключевые слова: «Черный лебедь», риск, случайность, непредсказуемость, неопределенность, порядок, общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-122-126

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Теории рискогенного общества уже давно заняли достойное место в корпусе социально-гуманитарных наук благодаря усилиям У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана. Процессы, происходящие в современных социумах, вынуждают констатировать неопределенность, нестабильность социальных ситуаций. Одна из самых ярких концепций – теория «общества риска» У. Бека – описывает социальную рискогенность, которая порождается различными процессами, например модернизацией, оказывающей трансформирующее воздействие на общественные структуры и процессы. Риск является основным продуктом социальных систем, испытывающих воздействие как внешней природной среды, так и внутренней природы – техносреды, с ее динамичным потенциалом влияния. Риск объявляется результатом деятельности социальной и техногенной среды, на основании которого перестраивается социальный порядок обществ. И вопрос по-прежнему не столько в том, как современные социумы взаимодействуют с неопределенностью, преодолевая нестабильность, а в том, как человек, общество воспринимают случайные события, ломающие привычный порядок отношений, процессов и показывающие зависимость от них будущего.

С подачи современного философа ливанского происхождения Н. Талеба вводится понятие «Черного лебедя» – явления, которое вершит историю [1, с. 162], является редким событием, с которым связана опасность недооценки и переоценки [1, с. 235]. Это явление, призванное поновому охарактеризовать и объяснить актуальные процессы сегодняшнего общества. Н. Талеб формулирует следующие его характеристики: 1) аномальность, «потому что ничто в прошлом его не предвещало» [1, с. 10]; 2) огромная сила воздействия – события «Черного лебедя» обладают малой предсказуемостью и большим потенциалом воздействия. Есть и ещё одно измерение: включая особенность антропологической природы в процесс объяснения, Талеб добавляет, что «человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [1, с. 10]. Третью характеристику следует рассмотреть с позиций общества, находящегося в состоянии тотальной рационализации. Человек оказывается неспособным предсказывать аномалии, и это происходит в обществах, которые можно охарактеризовать как социумы с интенсификацией процессов рационализации. Рационализация проявляется во всем и приобретает тотальный характер, например, в экономике об этом свидетельствуют создание высокоэффективных производств, возрастающая способность и возможность человека просчитывать свою жизнь на уровне повседневности, формировать рациональные основы своего жизненного порядка, от расчета калорий и пройденных за день шагов и до планирования семейных бюджетов и явлений более высокого порядка. Человек обрел убежденность в возможности планировать, рассчитывать, прогнозировать будущее. В таком понимании порядок общества нацелен на достижение максимально эффективных состояний, компактизацию при распространении информации в образовании, СМИ: знание встраивается в упрощенные схемы восприятия в соответствии с логикой «выгод–затрат». Формы социального порядка организуют, систематизируют и в итоге рационализируют мышление, сводят к минимуму многомерность факта.

Определение рационализации как ключевого процесса современности не является новым. Процессы рационализации, согласно М. Веберу, приводят к нахождению наиболее эффективных способов организации социального порядка, калькулируемости в поведении и управляемости индивидов. В современном обществе эффективность поведения человека, направленное

на достижение целей, замещает выбор целей общественного развития. Д. Ритцер исследует процессы макдональдизации, приводящей к формированию тотально рационального общества, определяет базовые компоненты рациональной системы: эффективность, предсказуемость, просчитываемость и контроль посредством технологий вне человеческого участия. Однако в эпоху прогрессирующей рационализации обнаруживает себя ее обратная сторона – иррационализация рационального. Д. Ритцер так описывает это: «последовательное следование функциональным принципам макдональдизации приводит к результатам, обратным ожидаемым: неэффективности, непредсказуемости, непросчитываемости, утрате контроля и, что самое главное – к дегуманизации человеческого труда» [2, с. 23].

Если согласно Беку современное общество порождает риски, то согласно Талебу события происходят потому, что не должны были случиться. У Э. Гидденса мы также встречаем схожую позицию: «...рост рефлексивности социальной жизни вовсе не означает роста ее подконтрольности: увеличение знания о социальном мире парадоксальным образом оборачивается уменьшением его предсказуемости» [3, с.49]. Здесь обнаруживаются провалы рационального, когда настроенное на тотальную рационализацию общество оказывается беспомощным перед безопасностью случайного и закономерно неопределенного «Черного лебедя». На фоне динамичного увеличения доли рационального нашей жизни современный человек утрачивает видение случайности, а если случайность и фиксируется нашим сознанием, то она сосредоточивается на мелочах и отсутствует системное видение проблемы. В контексте таких случайностей то, чего мы не знаем, имеет большую значимость, чем то, что нам известно.

На примере массмедийной сферы современного порядка мы находим подтверждение слов Н. Талеба о потере системности в видении мира. Его приговор суров: «...мы не постигаем правила, мы постигаем факты и только факты <...> мы презираем абстрактное, причем презираем страстно» [1, с. 16]. Та же медийная картина построена исключительно на фактах (или фейкфактах), вокруг которых центрируются события, процессы. Факты внушают ужас (стихии, теракты) или успокаивают (данные о выходе экономики из кризиса). В «объятиях» факта существуют массмедийная среда и ее компоненты, а очарование фактом затмевает системное видение реальности. Слепота телевидения (в формулировке Талеба), по нашему мнению, приводит к тому, что, потребляя факты, мы

остаемся безучастным не только к системному видению, но и к тенденциям, трендам. Конечно, тренд преподносится и воспринимается как факт, а анализируемый тренд становится, в лучшем случае, достоянием экспертного сообщества, слушающего самого себя.

Осознание непредсказуемости «Черных лебедей» должно приводить к выработке стратегий приспособления к ним. «Черные лебеди» – это события, обладающие положительным или отрицательным потенциалом. Н. Талеб приводит как пример венчурный бизнес, где на фоне малой предсказуемости успешности того или иного стартапа выигрыш оказывается огромным при риске небольших потерь в случае неуспеха. Современные события – достижения, открытия, в том числе меняющие мир, могут быть «укротены» не планированием, а «импровизацией, позволяющей не упустить шанс» [1, с. 15]. Предложение Талеба – живя в среде, «кишащей “Черными лебедями”», нужно экспериментировать, ловить как можно больше «Черных лебедей».

Автор теории «Черного лебедя» предлагает следующий познавательный алгоритм: для понимания обычности нам необходимо изучать редкие и экстраординарные события. Для описания, например, неопределенности Талеб предлагает трактовать ее как отсутствие знания, его антипод: так мы вводим отрицание определенности, формулируя «неопределенность». Эти антиподы, экстремальности должны не исключаться из знаниевого производства, а служить точкой отсчета, позволяющей приблизиться к пониманию экстремальности и неординарности.

Рационализированное общество, точнее сказать, постоянно рационализирующееся общество, создает иллюзию всезнания. Открытость современного знания: от лайфхаков в Интернете, позволяющих облегчить повседневные дела, до стратегий личностного роста, карьеры и успеха не только создают ложную уверенность в безупречности знания, но и приводят к потере бдительности – и в этом также иррационализация рациональности.

Талеб критично относится к сообществу, называемому экспертами. Он сомневается в способностях некоторых специалистов, которые, по его мнению, таковыми не являются, они способны только убедительно говорить о проблеме, а не решать ее. Талеб также пишет о так называемых профессионалах, скрывающих истину за нагромождением формул, что более опасно, так как свойственно научной рациональности или другим формам экспертократии, использующей ресурсы научного знания. Так, У. Бек убежден в

перспективе объединения научной и обыденной рациональности, потому что их противостояние приводит к неэффективности и неустойчивости в обществе риска. В этом контексте важен посыл Талеба, касающийся необходимости связи теории и практики, когда «люди за кафедрами, которым не приходилось принимать решения в неопределенной ситуации, не отличают существенное от несущественного» [1, с. 24] – пример, когда пустое теоретизирование обесценивает для широких слоев общества ту же философию.

Отметим также, что неограниченность теоретического порождает излишнюю категоризацию, упрощает реальность, и это «сужение окружающего мира может привести к взрывоопасным последствиям, потому что исключает из картины некоторые источники неопределенности и принуждает нас неверно интерпретировать ткань, из которой соткан мир» [1, с. 50]. Действительно, признавая постоянно растущую множественность социальной реальности, ее количественную и качественную плюрализацию, мы должны с большей осторожностью относиться к теоретическим попыткам отбросить ненужное, так как в этих условиях повышается риск пренебречь случайностью или иным компонентом такого насыщенного мира.

Показывая историю активизации «чернолебединого» эффекта, Талеб фиксирует рост непредсказуемых событий во время промышленной революции, когда мир стал усложняться, что привело к невозможности гарантированного предвидения. Это проявляется хотя бы в том, что колоссальный прирост информации, прогресс определили не только темпы цивилизационной динамики, но и сделали менее предсказуемым человеческое будущее. Это важно: эксперты, на которых общество полагается в расшифровке риска и расколдовывании неопределенности, сами становятся генераторами рискогенности и, игнорируя роль маловероятных явлений, способствуют появлению «Черных лебедей».

Важным представляется и то, что Талеб определяет историю с позиции ее восприятия человеком, переживания тех процессов, участниками и свидетелями которых становимся мы сами. История, как отмечает Талеб, является более хаотичной, чем полагают исследователи истории, и более ценным оказывается переживание индивидом реальных событий. В них и обнаруживается живое дыхание исторической динамики и реальная эмпирия повседневности: живой опыт проживания и переживания событий становятся важнее теоретических конструктов. История наполнена заблуждениями относитель-

но ее хода событий (Талеб приводит в пример прогнозы продолжительности ливанской войны или уверенность французов в недолговечности власти Гитлера) и «Черными лебедями», которые однажды меняют все.

Будущее как состояние времени, детерминированное настоящим, – актуальная тема рискологических теорий, в которых отмечается: «...то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем» [4, с. 146]. Решения, которые принимаются в актуальном настоящем, определяют временную перспективу, и данную зависимость сегодня четко ощущает человек. Настоящее, его опыт эффективнее для постижения будущего. Прогнозирование будущего, исходя из опыта прошлого, оказывается не совсем эффективным занятием, мы можем прилагать огромные усилия, извлекая прошлый опыт из него самого, но главная проблема, согласно Н. Талебу, в том, что мы не знаем, сколько полезной для нас информации содержит прошлое, и работаем с ним только потому, что оно – прошлое – не в состоянии заметить «Черных лебедей», так как «нас занимает то, что уже случилось, а не то, что пока еще только может произойти» [1, с. 222].

Проблема «Черного лебедя» приобретает особую актуальность в сопряжении с темой социального порядка: насколько мало прогнозируемые и влиятельные события способны изменить не конкретную ситуацию, а общее состояние социальной упорядоченности. Эвристическим потенциалом, по нашему мнению, будет обладать проблема роли и динамики «чернолебединых» событий в условиях сетевых структур социума, которым сейчас общество и является. И здесь положение двойственное: с одной стороны, сетевая организация, будучи набором упорядоченных элементов узлов, которые связаны звеньями между собой, позволит минимизировать риски в ситуации случайных повреждений отдельных сегментов, так как «они затронут непрочно “привязанный” элемент» [1, с. 363], с другой стороны, опасность «Черного лебедя» проявится при возникновении проблемы в крупном узле.

Вообще, описывая состояние порядка в современных условиях, мы вправе применить транзитологические характеристики, позволяющие «схватить» характер перехода социальных систем от прежнего состояния к новым формам. Такой транзит видится растянутым в пространстве и обретающим черты длительной временности, а сама транзитивность является принципиально незавершенной. Незавершенность процесса инновационных открытий, беспредельность коммуникации, необъятность

глобализации – характеристики и примеры современного транзита, который «распростался» с завершенными формами и обретает новую стабильность в дрящей неопределенности.

Проблема «Черного лебедя» связана с нашими ожиданиями, она заключается не в природе событий, а в том как мы их воспринимаем. Здесь позиция Талеба коррелирует с широко представленным в рискологии конструктивистским подходом, где в контексте культурно-символического измерения риск-реальность воспринимается и конструируется субъектами (П. Словик, Л. Шоберг, О. Ренн). Восприятие риск-реальности также оказывается связанным со стереотипами, культурными нормами, и ключевая роль отводится психологическим ресурсам личности. Талеб учит быть чувствительным к риску и воспринимать реальность не с закрытыми, а эмпирически открытыми глазами. Это связано также и с природой человека: описывая пример с вождением мотоцикла, философ утверждает: я могу осознать, что риск есть, ведь знание о риске широко распространено, «однако действую, не учитывая этого риска» [1, с. 146].

Событие «Черного лебедя» – результат, в том числе глобализации, по-прежнему внушающей индивиду чувство масштабности событий и невозможности эффективно противостоять им. Каждая историческая эпоха через подобных «лебедей» (революция 1917 г., Вторая мировая война и др.) указывает на место человека, который в процессе цивилизационной динамики теряет чувство исторической принадлежности в структуре современного ему общества. Восприятие таких событий, являющихся порождением глобальных механизмов экономики или дипломатии, возвращают человека к самому себе, и это необходимо сделать в мире, где «мы стали чужими в собственной среде обитания» [1, с. 154]. Можно сколько угодно рассуждать о своем спекулятивном потенциале, касающемся манипуляций с криптовалютами, но очередной экономический кризис заставит пересчитать семейный бюджет, экономить на продуктах и думать о смене работы – «Черные лебеди» вернут нас к самим себе. «Лебеди» в современном мире преимущественно черные.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона» (№ 17-33-0143).

Список литературы

1. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009. 528 с.
2. Ритцер Д. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М., 2011. 592 с.
3. Фурс В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социол. журн. 2001. № 1. С. 44–73.
4. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

Образец для цитирования:

Данилов С. А. «Черный лебедь» Н. Талеба как философская рефлексия рискогенного общества // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 122–126. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-122-126.

N. Taleb's "Black Swan" as a Philosophical Reflexion of Riskogenic Society

S. A. Danilov

Sergey A. Danilov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, danilovsa@info.sgu.ru

The research focus of the publication is the theory of the "Black Swan" of the modern philosopher N. Taleb, which is considered in the context of the risky measurement of society. "Black Swans" – events that have extremely low predictability, in terms of their impact, can dramatically transform the world. Today, the society is filled with extremely unpredictable events, which make its development as vague as possible. Existing systems of rational analysis, and as a consequence, control, can not see the "invisible" – the "Black Swans", whose appearance drastically changes the course of events. One of the key reasons is the lack of desire for a systematic vision of processes and phenomena, trust in fact, and not in essence. The perception of social reality is dependent on a knowledge order: education, the sciences, the media, but at the core – the characteristics of human nature in its relation to the accidental, uncertain. The architecture of modern society can generate "black-whitewashed" events, but also, being a risky society, develops strategies for adapting to them, taking into account their not only negative, but also positive potential. Such accidents as black swans provoke both hyperconservatism and hyperventurism, and between them there is a diversity of forms

of being of the multidimensional man of a risky society who must reject patterning in thinking.

Key words: "Black Swan", risk, randomness, unpredictability, uncertainty, order, society.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches, the project "Religious communities in networked social order structures: protest dynamics and institutional stability of the Russian region" (no. 17-33-0143).*

References

1. Taleb N. N. *The Black Swan: the Impact of the Highly Improbable*. New York, 2007. 400 p. (Russ. ed.: Taleb N. *Chernyy lebed'*. Pod znakom nepredskazuemosti. Moscow, 2009. 528 p.).
2. Ritzer G. *The McDonaldization of Society* 5. Los Angeles, 2008. 320 p. (Russ. ed.: Rittser D. *Makdonaldizatsiya obshchestva* 5. Per. s angl. A. V. Lazarev, vstup. st. T. A. Dmitriev. Moscow, 2011. 592 p.).
3. Furs V. N. "Kriticheskaya teoriya pozdnego moderna" Entoni Giddensa ["Critical Theory of Late Modern" by Anthony Giddens]. *Sotsiologicheskij zhurn.* [Sociological Journal], 2001, no. 1, pp. 44–73 (in Russian).
4. Luman N. Ponyatie riska [The Concept of Risk]. *THESIS*. [Thesis], 1994, iss. 5, pp. 135–160 (in Russian).

Cite this article as:

Danilov S. A. N. Taleb's "Black Swan" as a Philosophical Reflexion of Riskogenic Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 122–126. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-122-126.